

Eugenia Maksimowicz
Białystok

Прецедентные тексты библейского происхождения в российском газетном дискурсе

Ключевые слова: библейская фразеология, прецедентный текст, российские СМИ

В истории народов мира есть литературные произведения, которые актуальны и значимы в наши дни, несмотря на их глубокую древность. Более того, они являются непревзойденными образцами, как по силе художественного изображения действительности, так и по своей тематике, – произведения, которые являются и сегодня неиссякаемым источником нравственных, эстетических и духовных ценностей. Среди них можно назвать исландские саги, гомеровский эпос, индийские веды, творения Платона, Данте, Сервантеса и другие произведения человеческого гения.

Одним из уникальнейших произведений является Библия. Она возвышается над бесконечным многообразием книг, созданных когда-либо гением человека. Именно Библия отвечает наиболее полно и исчерпывающе на самые разнообразные и сложные вопросы, удовлетворяет духовные потребности человека в осознании своего места в мире. В последние годы в российском обществе возрос интерес к церкви и тем самым к Библии, и принимаются меры, чтобы без искажений возвратиться к жизни и библейские выражения, и стоящие за ними высоконравственные понятия. Длительное подавление авторитета Библии в советский период истории России стало также причиной, приведшей к тому, что после снятия запрета на религиозную сферу жизни Книга книг стала одним из популярнейших источников цитирования не только в сфере религии, но и в светской жизни.

И поскольку средства массовой информации наиболее чутко и быстро реагируют на все изменения в жизни общества и «язык современных газет может служить зеркалом современной жизни» [Земская 1996, 23], то именно современная публицистика наиболее полно отражает данные изменения. Цитаты из Библии, библейские идиомы, аллюзии, сюжеты широко используются в художественной литературе и газетных изданиях, в выступлениях государственных и политических деятелей, а также в живой разговорной речи. Уровень культуры современной языковой личности в целом и речевой культуры в частности вызывает тревогу у многих исследователей. Использование прецедентных текстов в публицистических текстах СМИ и адекватное их понимание читателями является неотъемлемой частью общей культурной и речевой компетенции читателя (современной языковой личности) [Костомаров 1999, 319].

В последние годы активно разрабатывается понятие «прецедентный текст». основополагающими работами, которые лежат в основе всех исследований, связанных с прецедентными текстами (ПТ), являются научные труды Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, В.Г. Костомарова, И.В. Захаренко, Г.Г. Слышкина, О.П. Семенов и других. Именно в работах этих лингвистов выработаны критерии выделения ПТ в различных текстах и дана попытка их систематизации. Под прецедентными текстами вслед за В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой мы понимаем тексты, «имеющие историко-культурную, страноведческую ценность в дискурсе языковой личности» [Костомаров, Бурвикова 1994, 73].

В свою очередь, Л.В. Дубовицкая под прецедентным текстом понимает законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, полипредикативную единицу; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу которого входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания или символы, которые являются прецедентными феноменами [Дубовицкая 2012, 15–20].

Термин «прецедентный текст» был впервые введен в научную практику Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году. Ю.Н. Караулов определил и основные критерии прецедентности текста: 1) значимость для той или иной личности в познаватель-

ном и эмоциональном отношении; 2) сверхличностный характер, то есть известность широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников; 3) неоднократное обращение к тексту в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1986, 105].

Г.Г. Слышкин понимает прецедентные тексты шире, он снимает некоторые ограничения, введенные Ю.Н. Карауловым. Речь идёт о количестве носителей прецедентных текстов. Во-первых, по мнению Г.Г. Слышкина, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей – для малых социальных групп (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.). Во-вторых, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот). Тем не менее, в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции (от позднелат. *reminiscentia* – воспоминание) часто используются в дискурсе данного отрезка времени [Слышкин 2000, 28]. Таким образом, под прецедентным текстом Слышкин предлагает понимать любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса. Прецедентный текст может включать в себя, помимо вербального компонента, изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм). Частые отсылки к тексту в процессе построения новых текстов в виде реминисценций являются показателями ценностного отношения к данному тексту и, следовательно, свидетельствует об его прецедентности.

Следует различать микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие прецедентные тексты. Единственным классом текстов, который необходимо исключить, является класс индивидуальных прецедентных текстов.

Прецедентные тексты тесно связаны с феноменом жизненной идеологии, определяемой всей совокупностью жизненных переживаний и непосредственно связанных с ними жизненных выражений. Именно жизненная идеология вовлекает произведение в конкретную социальную ситуацию. Произведение связывается со всем содержанием сознания воспринимающих, интерпретируется в духе данного содержания, освещается им по-новому.

Существенное свойство всех прецедентных текстов в том, что они «выступают как целостная единица обозначения» [Чейф 1983, 63], то есть как целостный знак, отсылающий к тексту-источнику и представляющий его по принципу «часть вместо целого». Специфика прецедентного текста-цитаты в том, что дистанция между текстом-донором и текстом-реципиентом оказывается большей, чем обычно представляется. Прецедентные тексты активно используются всеми носителями данного языка и данной культуры, но далеко не все из носителей языка достаточно точно и адекватно представляют себе место и роль цитируемого фрагмента в тексте-источнике. Непосредственное цитирование происходит не из текста-донора, а из «культурного тезауруса» языковой личности, приобретшей опыт обращения с прецедентным текстом не только по причине знакомства с его исконной текстовой средой, но и в результате собственной коммуникативной практики.

Существуют различные виды классификаций, учитывающих функциональные, стилистические и структурные особенности ПТ. Способом реализации прецедентных текстов являются текстовые реминисценции («точные/преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведённым текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995, 17]. При определении прецедентности текстовых реминисценций (прецедентных высказываний) мы придерживаемся мнения Г.Г. Слышкина о необходимости учитывать соблюдение трёх условий: «1) осознанность адресантом факта совершаемой им реминисценции на определённый текст; 2) знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; 3) наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста» [Слышкин 2000, 32].

Основываясь на вышеуказанной классификации, прецедентными мы считаем не все тексты библейского происхождения, а только те, которые соответствуют указанным трём условиям, то есть не стали в сознании носителей языка обычными фразеологизмами, не потеряли связь с Библией (*до потопа, нести свой крест, манна небесная*). К непрецедентным относятся единицы, происхождение которых носителям языка, исключая специалистов, неизвестно (например, *лицом к лицу, от чистого сердца, до кровавого пота*).

Нам представляется интересным и важным рассматривать особенности функционирования библеизмов в современных газетах. Определение причин, целей и способов использования библеизмов – прецедентных высказываний на газетной полосе поможет глубже понять значение Библии и библеизмов для современного русского человека.

Язык газеты немислим без использования прецедентных текстов, которые способствуют композиционной организации текста и формированию подтекста. Прецедентный текст, используемый в языке газеты, обладает рядом особенностей, которые он проявляет в соответствии с требованиями данной коммуникативной сферы. Являясь важным средством выразительности газетного языка, прецедентный текст актуален в любой период его развития и служит показателем как собственно языковых процессов, характерных для газетного дискурса, так и изменений во внеязыковой действительности и в картине мира носителей языка. Зачастую один и тот же библеизм либо «возвышает» контекст, либо придает ему ироническую, юмористическую или другую окраску. И от того, правильно ли понята стилистическая нагрузка определенного выражения в данном контексте, зависит верность понимания замысла автора, т.е. удалось ли ему донести до читателя положительный или отрицательный, иронический или торжественный, или какой-либо другой смысл. Если же библеизм неизвестен или неправильно понят, то результатом может быть курьез, непонимание или разочарование. Экспрессивная функция газеты, обусловленная ее пропагандистской направленностью, вызывает, прежде всего, открытую оценочность речи. Оценочность проявляется в выборе лексики: в сравнительно большой частотности качественно-оценочных по семантике прилагательных и существительных, элитивов, в характере метафоризации, в отборе фразеологии, в особенностях использования синтаксических средств. Именно открытой оценочностью, явным выражением позиции автора публицистический стиль отличается от художественного, и именно в этой черте – открытой оценочности – видится важная примета и свойство публицистичности стиля. В отличие от художественных произведений, в публицистике не подтекст, а сам текст вполне определенно выражает авторское отношение к излагаемым фактам.

Специфика газетной речи связана с тем, что в газете есть особые речевые образования – заголовки, подзаголовки, рубрики. В качестве заголовков весьма часто используются фразеологизмы. В последние годы удельный вес библеизмов среди “заголовочной” фразеологии резко увеличился. Характерным примером служат часто используемые газетные заголовки типа: «Поиск *земли обетованной*» [Литература в школе, 2005, № 6, с. 2]; «Выборы прошли. Что с ценами? на мясо, на горячительное, на топливо, на *хлеб насущный*, на жилье?» [Аргументы и Факты, 2008, № 11, с. 18]; *Тайное и явное* [название рубрики в газете «Аргументы и факты»]; «У Путина *сначала было слово*» [Лите-

ратурная Газета, 2007, № 36, с. 1]; «*Ищите и обрящите*» [Аргументы и Факты, 2008, № 46, с. 33]; «*Не хлебом единым. А жирафом вдобавок*» [Культура, 2007, № 27, с. 11]; «*Капля в море* изображения иных времен и народов» [Литературная Газета, 2008, № 2, с. 11]; «В Подмоскowie подешевела *манна небесная*» [Московский комсомолец, 2013, № 26379 от 8 ноября] и др. Присутствующие в указанных заголовках библеизмы придают речи меткость, образность, оценочность, а также активизируют внимание читательской аудитории, устанавливая дополнительные связи с контекстуальным пространством языка Библии. И это не случайно: ведь библеизмы, как и другие образные выражения, передают основную идею в концентрированном виде и в образной форме являются ключевыми элементами высказывания. Библия в российской публицистике постоянно используется как источник заголовков статей.

Объем статьи не позволяет подробно остановиться на исследовании большого количества библеизмов, поэтому ограничимся описанием функционирования одного из наиболее часто употребляемых в газетном тексте фразеологизма – *манна небесная*. Манна небесная – аналог материнского молока в иудаизме. Господь питал евреев манной, пока этот народ пребывал в младенческом состоянии. У древних евреев манна – это пища (в псалмах она называется «хлебом небесным»), которую они получали во время своего сорокалетнего путешествия по пустыне. Когда израильяне, ведомые Моисеем, бежали из Египта в пустыню, они первое время страдали от голода. Бог услышал ропот народа «*И сказал Господь Моисею: вот, Я одожду вам хлеб с неба, и пусть народ выходит и собирает ежедневно, сколько нужно на день*» (Исход, 16.4)¹. Обещанный хлеб падал с неба словно роса и получил имя *манна*; «она была, как кориандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом». Этой манной небесной израильяне питались долгие сорок лет скитаний по пустыне. Происхождение «*манны небесной*», возможно, связано с тем, что арабы пустыни могли полакомиться сладкой корочкой с куста тамариска, которую смешивали с мукой и употребляли как лакомство, по-арабски называемой «аль-ман». Тамариск считался в Египте священным деревом, обладающим сильными оккультными свойствами. Он пользовался большим уважением у древних египтян, так как считалось, что его колючий куст вырос вокруг тела Осириса и защитил его. Правда, многие исследователи считают

¹ Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета, Российское библейское общество, 2008.

связь *манны* и тамариска весьма спорной гипотезой, не относящейся к символике *манны*. Существует и другая версия. Энциклопедический словарь поясняет, что в пустыне (Юго-Западная Азия и Северная Африка), по которой блуждали еврейские народы, распространен съедобный лишайник семейства леканоровых. Созревая, корочки лишайника растрескиваются и свертываются в шарики диаметром до четырех сантиметров. Эти шарики похожи на манную крупу. Они очень легки и переносятся ветром на большие расстояния. Кочевники собирают съедобный лишайник, толкут его и из полученной муки пекут хлеб. Вероятно, эти съедобные шарики, принесённые ветром, и описаны в библейской легенде. Но, несмотря на это естественнонаучное объяснение, выражение *манна небесная* до сих пор означает неожиданную удачу, чудесную помощь.

В кратком словаре библейских фразеологизмов Л.Г. Кочедыкова, Л.В. Жильцовой [Кочедыков, Жильцова 1996] даётся следующее объяснение этого понятия: Манна (ц.-сл.). – хлеб, посланный Богом израильтянам во время их сорокалетнего странствования в пустыне. *...И вот на поверхности [земли] пустыни нечто мелкое, круповидное, как иней на земле. И увидели сыны Израилевы и говорили друг другу: «Что это?» И Моисей сказал им: «Это хлеб, который Господь дал вам в пищу». И нарек дом Израилев хлеб тому имя: манна. (Исх. 16:14–16, 31)².*

Итак, в современном языке *манна небесная* означает что-то очень хорошее, полученное в избытке, нежданно и, главное, вовремя. А вот когда говорят питаться манной небесной, то это хоть и не то же самое, что “питаться воздухом”, но близко по смыслу – не заботиться о собственном пропитании и, в результате, недоедасть. Во многих словарях представлено выражение *ждать как манны небесной* – долго и страстно ждать, надеяться на чудо. В христианской культуре манна стала олицетворением Божьей благодати. Постепенно в европейской культуре этот символ приобрел несколько ироническое звучание. Бездельника, не желающего работать, упрекают: “Чего ты ждешь, манны небесной?”³. Слово «манна» происходит от древнееврейского корня, означающего «дарить». Наша манная крупа названа так по имени легендарной манны, с которой она ничего общего не имеет. Тут свою роль сыграло внешнее сходство: мелкие белые крупинки.

² Библия..., op. cit.

³ Энциклопедия символов, знаков, эмблем, 1999, Москва.

Подобных примеров значения библейских фразеологизмов можем приводить множество. Так или иначе, обращаясь к вышесказанному, утверждаем, что прецедентные тексты библейского происхождения принадлежат к категории прецедентных текстов, отвечая всем предъявляемым к этому явлению характеристикам, но в то же время обнаруживая свои особенности. За библеизмами стоит общее для всех членов русского лингво-культурного сообщества представление о них, что не исключает наличия разнообразных личностных смыслов у различных носителей языка. Прецедентные тексты библейского происхождения выполняют эталонную функцию, задавая нравственные ориентиры и шкалу оценок в обществе.

Подводя итог, можем утверждать, что роль библейских выражений в обогащении фразеологии трудно переоценить. Их значение не только в художественной ценности, но и, главное, в том нравственном заряде, который несут они в себе, несмотря на то, что темпорально разделены с текстом-источником дистанцией в более чем 2000 лет. Прецедентные тексты библейского происхождения используются современным газетным дискурсом очень активно, поэтому изучение их функционирования представляет определенный научный интерес и, думается, будет всегда актуальным и востребованным. Прецедентные тексты значимы для личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известны многим, поэтому носят сверхличностный характер; обращение к прецедентным текстам происходит многократно в речевой практике данной личности. Сегодня прецедентные ссылки стали распространенным приемом построения заголовков газетных и журнальных статей в довольно широком круге изданий. Прецедентность создает особый тип экспрессии, который не может не быть востребованным в газетном тексте. Использование в речи прецедентных текстов библейского происхождения является показателем развития уровня языковой личности.

Литература

- Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета*, Российское библейское общество, 2008, Москва.
- Дубовицкая Л. В., 2012, *Функции прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов*, Вестник МГОУ, Серия «Лингвистика», № 2, с. 15–20.
- Земская Е.А., 1996, *Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества*, Вопросы Языкознания, № 3, с. 23–31.

- Караулов Ю.Н., 1986, *Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы*, Москва, Русский язык, с. 105–126.
- Костомаров В.Г., 1999, *Языковой вкус эпохи. Из наблюдения над речевой практикой масс-медиа*, Санкт-Петербург.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д., 1994, *Как тексты становятся прецедентными*, РЯЗР, № 1, с. 73–76.
- Кочедыков Л. Г., Жильцова Л. В., 1996, *Краткий словарь библейских фразеологизмов*, Москва.
- Слышкин Г.Г., 2000, *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*, Москва.
- Супрун В.И., 1995, *Текстовые реминисценции как языковые явления*, “Вопросы Языкознания”, № 6, с. 17–29.
- Чейф У.Л., 1983, *Память и вербализация прошлого опыта. Новое в зарубежной лингвистике*, Москва.
- Энциклопедия символов, знаков, эмблем*, 1999, Москва.

PRECEDENT TEXTS OF BIBLICAL ORIGIN IN THE RUSSIAN PRESS DISCOURSE

S U M M A R Y

Precedent texts of biblical origin are characterized by high activity in the contemporary press discourse. Due to the continuous demand for exploration of the principles of their functioning, the study of these texts will always have the up-to-date character. Precedent texts are essential in the context of their relationship with human personality, especially in the cognitive and emotional area. This type of texts, because of their phenomenal character, became a widely used means in the titles of articles in numerous newspapers and magazines. They create a particular type of expression, which should be present in the text of the press. The use of precedent texts in discourse is an indicator of the level of development of the linguistic personality.

Eugenia Maksimowicz e-mail: maximovitch@interia.pl